

Аня Воронцова

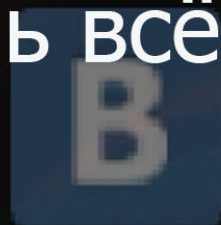
МАКС_{имум}

♥ Мне нравится 7528 🔊 387

#Макс
#Москва
#КрымэтоРоссия

Репостни этот #текст.
Помоги ей отыскать его.
Ты можешь изменить #судьбу.
Ты можешь всё.

Аня Воронцова

МАКСИМУМ

«Автор»

2016

Воронцова А.

МАКСимум / А. Воронцова — «Автор», 2016

Внимание! Это реальная история и, распространив этот текст любым способом, вы примите участие в судьбе героев. Легкомысленный флирт на живописном черноморском побережье или нечто большее? Они познакомились минувшим летом в Крыму. И теперь она ищет новой встречи с ним на просторах Интернета. Удастся ли ей найти иголку в стоге сена – молодого человека по имени Макс в огромной Москве? Море, горы и просторы степей. Крым в 2016 году глазами молодой красивой женщины. Искренняя патриотическая и возвышенно эротичная повесть для ценителей серьезной литературы, охватывающей исторические, политические, философские и глубоко личные, интимные аспекты человеческой жизни.

© Воронцова А., 2016

© Автор, 2016

Аня Воронцова

МАКСимум

Повесть

Ты весь мой свет, вся ясность бытия.

Но я не знаю, где ты – вот в чём сложность.

И нет цены, которую бы я

не заплатила за одну возможность

узнать тебя в толпе, изо всех сил

обнять опять, при всех, в метро московском,

чтоб тоже ты в себе меня носил,

чтоб помнил, как Париж о Маяковском.

Писала она на случайной бумажке, найденной в рюкзаке. Вагон трясло, иногда на неё ненароком наваливались попутчики, заставляя и без того непокорные буквы плясать ещё пуше.

Если набрать в параметрах поиска социальной сети ВКонтакте "страна Россия" "город Москва" "пол мужской" "возраст от шестнадцати до двадцати" и имя "Максим" система выдаст ссылки на страницы более семидесяти тысяч пользователей. Нет. Она не найдет его. Это просто нереально. С таким-то количеством информации. Имя. Просто имя, причём не такое уж редкое. И город. Огромный город. Мегполис. Она не найдет его. Для того, чтобы это случилось, должно произойти чудо.

И она готова была чудо сотворить. Своими руками. Уже больше месяца каждую свободную минуту она посвящала тому, что просматривала все эти профили, личные данные, бесконечные фото каких-то совершенно незнакомых людей, с Красной площади, с ВДНХ, из столичных клубов и баров, с солнечных пляжей...

Она искала его. Потому что не хотела и не могла смириться с тем, что им не суждено встретиться вновь. Она не была уверена, что ей удастся изменить судьбу. Она просто попыталась это сделать.

"Надо брать от жизни максимум. Нас с детства приучают довольствоваться малым. Воздушным шариком вместо огромного конструктора, маленькой конфетой вместо большого торта. Потому что так удобнее. Меньше претензий – меньше проблем. У родителей. У началь-

ства. У государства. У всех. Но это неправильно. Жизнь одна. И нужно учиться спасать её краски в своих глазах. Каждый миг."

И она начала свои великие поиски.

В день удавалось просмотреть от трехсот до пятисот профилей. От всевозможных московских Максов рябило в глазах. От их друзей, подружек, родственников, накрытых столов, мотоциклов, автомобилей с открытой дверцей. Она даже составила мысленно небольшой топ самых любимых сюжетов для фото в соцсетях. От странички к страничке её надежда то почти погасала, то крепла вновь, как свеча на сквозняке.

Чудо – это событие, которое случается, несмотря на свою крайне малую вероятность.

Они познакомились минувшим летом в Крыму. В двадцати пяти километрах от Евпатории на золотистом степном побережье среди живописных мелководных лиманов, покрытых тонкой переливчатой корочкой розовой соли, хрустящей под ногами, как лёд или сахар, располагается небольшой курортный посёлок Поповка. «Попівка» – белым по синему на разогретом солнцем дорожном указателе.

Тоска, завораживающе прекрасная, нежная, пронзительная как мелодия саксофона под аркой Главного Штаба пробуждалась в ней с каждым воспоминанием. От шоссе к берегу моря мимо заброшенных пустых участков с табличками «продаётся», пыльных заборов и причудливых каменных лабиринтов недостроенных зданий ведёт асфальтированная дорога. Справа от неё на кирпичной стене небольшой гостиницы, глядящей в степь, можно увидеть странные сюрреалистические рисунки и прочесть надпись «Save water, drink wine». Ввиду дефицита пресной воды в Крыму это весьма остроумно.

"Заяц have a nice trip to Kazantip." Безграмотая надпись краской на одном из заборов. Чья-то претензия на вечность.

Три улицы Поповки – Новая, Морская и Рыбалко тянутся вдоль морского берега. Каждый домик здесь – это небольшой отель, их великое множество, подешевле, подороже, на любой вкус, но большая часть хозяев теперь переживает кризис; в прежние времена от туристов не было отбоя, особенно в августе, когда жаркими звёздными ночами по всему пляжу гремели легендарные дискотеки Казантипа. Украинская Ибица. Тысячи тел,двигающихся в такт музыке, несущейся и мощных динамиков, тысячи рук, простёртых в чёрное крымское небо, феерия разбегающихся огней. Восторженные возгласы людей, одержимых своим мимолётным, но бесконечным и бесконтрольным аффективным счастьем от наркоты, алкоголя, света, звука и взаимного обладания; фигуры, бросающиеся с разбега в ласковые черноморские волны, целующиеся на пляже парочки – запретный и пленительный праздник жизни, закончившийся с приходом российской власти... Нынче Казантип уже не тот. Да, конечно, люди продолжают приезжать сюда, но уже не за цветными впечатлениями шальных танцевальных ночей, а за

тихими воспоминаниями о былом, за романтической ностальгией. Те, кто никогда здесь не был, но слышан, приезжают, чтобы взглянуть на просторный центральный пляж Поповки, мощёный плитами, украшенный соломенными пальмами, огромными металлическими одуванчиками и насекомыми, с незаурядной выдумкой изготовленными из старых машин, подняться на видовую башню над морем, восхититься красотой игры закатного света в многочисленных гранях фантастического радужного кристалла, установленного на высоком постаменте. Каждую ночь здесь по-прежнему звучит музыка. И скользят по остывающему песку острые яркие лучи прожекторов. Не больше десятка человек танцуют под козырьками танцполов, похожими на лепестки исполинских цветов. В пустынных кафе, разбросанных по всему побережью, скупают, облокотившись на стойку, бармены и напиваются три-пять скучных поздних гостей.

Она пересмотрела в Инстаграмме тысячи фотографий, сделанных этим летом в Крыму.
#поповка#пляж#казантип#чёрноеморе

Это было с нею уже не в первый раз. Любовные аффекты – более или менее сильные, совсем короткие и довольно длительные, разные – сопровождали её со школы. Голубоватыми ясными зимними вечерами она ездила на троллейбусе к дому Сергея, которого любила в десятом, и могла простоять несколько часов на морозе, любуясь мягким жёлтым светом его окна. Такому восторженному чистому и светлому обожанию могли позавидовать божества на иконах. Она решала за Сергея контрольные и каждый день давала ему списывать домашнее задание. Она сочиняла стихи, которые он вписывал в открытки, предназначенные другим девушкам. Она звонила ему домой, немея от ужаса между гудками, и, не выдержав, вешала трубку, когда её снимали на другом конце... А как-то раз он обнял её, абсолютно по-дружески, без всякой задней мысли, кажется, в благодарность за очередную медвежью услугу по алгебре, прямо на школьном крыльце – это был единственный физический контакт за всё время её великой любви к нему... И яркие пятна замаячили перед глазами, как новогодние фейерверки на тёмном небе – она еле удержалась на ногах; от счастья, овладевшего ею стихийно и безраздельно, захватившего всё её существо, в тот миг она едва не лишилась рассудка.

Потом, в университете уже, был Михаил, доцент. Влюбляясь, всякий раз она впадала в совершенно особенное, отчуждённое и самобытное состояние. Она жила в такие периоды как бы параллельно реальности, думая блаженно и неистово, каждый день, с самого пробуждения до волшебного бесконтрольного мига отхода ко сну, одну лишь непрерывную мысль – о Нём. Она цепенела, когда Михаил появлялся в конце коридора, вжималась в стену, когда он проходил мимо, знала, что он берёт в буфете, какие сигареты курит, следила за ним... И едва сдала экзамен на «удовлетворительно»: у неё стыли руки, стучали зубы, она не могла смотреть ему в лицо, от него было горячо, как от солнца; отвечая на его вопросы, она забывала слова...

Мужчины менялись. Оставалось постоянным лишь её фанатичное служение возникающим чувствам, неосознанное стремление к их экстремальному обострению, к разыгрыванию в воображении величественных и шикарных драм...

Муж стал единственным мужчиной, сыгравшим значительную роль в её жизни, в которого она никогда не была влюблена ни в какой степени. Их отношения складывались рационально, чётко, спокойно. Ей с ним было очень легко. Наверное, лишь поэтому всё и получилось. Не было ни головокружений, ни предобморочных чёрных звёзд перед глазами, ни всепоглощающего ужаса, ни радости, помрачающей рассудок, просто потому, что он улыбнулся или сказал пустяковый комплемент... Не было этой непредсказуемой, как взлёты и провалы американских горок, чудовищной синусоиды эмоциональных аффектов, была ровная дорога, не сулящая никаких неожиданностей прямая...

Но другие мужчины после замужества, к сожалению, никуда не исчезают. Более того, страсть к ним приобретает заманчивый горьковато-пряный привкус трагичности.

Когда её первому сыну было от роду тринадцать дней, муж пригласил своего приятеля «взглянуть на младенца». Стоял ясный необыкновенно знойный июльский день. Небо ярко синело, рубашка на Родионе была синяя, и глаза у него тоже были синие. И эта ослепительная синева, пролившись ей в глаза, осветила всю её душу... Отчаяние необладания смешалось с экстатическим ликованием от возможности просто смотреть. Она едва смогла вздохнуть, она оказалась не в силах произнести ни слова, даже элементарно поздороваться... Муж ничего не заметил, списав её странное поведение на духоту и послеродовую слабость. Весь следующий год она непрерывно думала про Родиона, прочитала вдоль и поперёк его страничку ВКонтакте, прослушала все его сохранённые аудиозаписи; когда никто не мог видеть её, открывала его фото, разглядывала их, трепеща от своих желаний и страха перед ними; дрожала крупной дрожью, когда муж при ней разговаривал с Родионом по телефону... Она просыпалась по ночам, подолгу ворочалась, чувствуя неуголимый жар внутри, мурашки, разбегающиеся по всему телу... Силой воображения она доводила себя до штормового изнуряющего оргазма, просто представляя себе его прикосновения, объятия, поцелуи. И только после этого засыпала.

Страсть к Родиону так же внезапно улетучилась, как и вспыхнула. На семейном торжестве у каких-то общих знакомых она случайно стала свидетелем того, как её кумир ел печенье. Он пожирал его, запихивая целиком, торопливо, жадно, с совершенно неприличным воодушевлением, едва не мурлыча от наслаждения. Оно хрустело, ломалось, сыпалось у него изо рта, мелкие крошки застревали в бороде... Увиденное резко опустило её на землю грешную, божество было свергнуто, прекрасный образ и связанные с ним бесчисленные сюжеты эротических фантазий – забыты...

Потом она влюбилась в голос. Андрея ей даже не суждено было ни разу увидеть в лицо. В течении года муж общался с ним по скайпу на рабочие темы. А она сидела рядом. И ядовитый нектар вливался в неё, растворял здравый смысл, как кислота растворяет кусок натрия; она не понимала ни слова, просто упивалась, как прекрасной песней на чужом языке, этим звуком, этой неповторимой, рождающейся и умирающей каждый миг, механической вибрацией мембраны микрофона... Андрей жил в Дубне. И она под невообразимыми предложениями почти уговорила мужа поехать туда и взять её с собой, но он неожиданно перешёл на другую работу.

В Крыму отдыхали всей семьей. Она, муж, двое сыновей. Уже несколько лет подряд с нею не случилось никакого любовного наваждения, никакого приступа «паники обожания», как писала Полозкова, она думала, что возраст берёт своё и теперь она окончательно успокоилась – на исходе лета ей исполнилось тридцать...

Девушки почему-то любят фотографировать ноги. Просмотрев тысячи чужих профилей, она нашла не меньше полусотни снимков чужих ног. Отдельно. Без тела. Ног в туфлях, чулках и колготках. Голых ног...

Настал век совершенно глупых ненужных и несурзных фотографий. Снимать теперь может каждый. Не вдруг встретишь в большом городе человека без смартфона с камерой в кармане. Потому, вероятно, люди не считают нужным выбирать сюжеты для своих снимков. Они фотографируют и кидают в бездонную пропасть интернета что попало – детали интерьера, еду, посуду, повседневные покупки, вывески, рисунки пальцами на запотевших стеклах... Вряд ли в прошлом веке что-либо из этого заслужило бы придирчивое внимания объектива.

Ей вспомнилось, как в первом классе мама наряжала её на фотографирование. Коричневое школьное платье – белый фартук. Пышные, как зефир, банты. Не дай бог пылинка упадёт на воротничок. Не дай бог моргнуть или случайно заслонить товарища...

В Крыму ей нравилось гулять по вечерам. Оставаться наедине с морем. Стоять на пустынном пляже возле самой воды, чёрной, тяжёлой, блестящей, слушать её умиротворяющий плеск, и, застыв, внимать непостижимому безостановочному струению времени... Муж редко выходил с нею – предпочитал оставаться в номере, читал или включал он-лайн трансляцию радиостанции «ЭхоМосквы». Выступая за европейский путь развития родной страны, он был крайне озабочен санкциями, наложенными на Россию после присоединения Крыма, открыто выражал свою гражданскую позицию и частенько повторял, что поскольку ни одно государство мира не признаёт Крым частью Российской Федерации его следует вернуть Украине. Однажды он заявил об этом во всеуслышание на автобусной остановке.

– Да ты совсем что ли сдурел?! – возмутился пожилой мужчина с густыми седыми усами, – да тут при Украине такой ... (он употребил бранное слово) творился! Молодец Путин, хоть какая-то надежда теперь появилась, что будем нормально жить...

– Вот именно, что только надежда, – вежливо возразил муж, – ничего лучше не станет. Крыму для развития нужны инвестиции, и не маленькие. А кто станет вкладывать деньги, зная, что регион под санкциями и хрен знает какому государству принадлежит?!

– Да ты откуда такой? Небось, дятел столичный? – лицо мужчины стало краснеть. Возможно, он с утра уже немного принял, и у мужа были все шансы получить в бубен.

– Я из Петербурга.

– Ну, ясно... Я сразу понял, где таких дураков делают. Больно жирно вы там живёте, бля, и умные все стали... Инвестиции! Санкции! Только бы языком чесать, какая у нас плохая власть.

Она ласково потянула мужа за рукав.

– Вот видишь, что реальные крымчане говорят...

– И что? – продолжал бухтеть муж уже вполголоса, опасливо оглядываясь на усача, – их кормят обещаниями и жалкими подачками... Квоты в ВУЗах, например. Я лично против всяких квот. Квоты нарушают права тех, кто поступает на общих основаниях. И вообще хорошо живут в регионах, которые приносят прибыль. Крым и в Украине был убыточным, и у нас будет. На фига его присоединяли? Деньги в трубу... И со всем миром поссорились. Хороша выгода.

– Здесь можно туризм развивать, отелей настроить, – робко возразила она.

– Да никто не станет тут ничего строить! Страшно же... Вдруг политическая ситуация опять поменяется, и в один прекрасный день придут серьёзные дяди и всё отберут? Не знаешь, что ли, как такие дела делаются? Вот Турция, это я понимаю. Там действительно большой бизнес и реально качественный сервис... А тут так и будут занюханые постоялые дворы, которыми управляют ушлые тётеньки за пятьдесят!

Недовольная складочка на миг залегла между её бровями. Она испытывала неловкость от того, что супруг произносил такое вслух, здесь, в этом дивном краю, где солнце так щедро согревало его своим теплом... Из чувства благодарности мог бы и помолчать.

– Как поднимемся хоть немного на бабло, полетим в твою Турцию. Пока у нас и на это едва хватило.

На перекрестке улицы Рыбалко с дорогой, ведущей к шоссе, располагаются латки с кругами, надувными мячиками и прочим сезонным барахлом, продуктовый магазин в советском стиле, "недорогая" столовая – иногда она, когда по приходу с пляжа особенно лень было готовить, покупала там детям две порции пюре по пятьдесят с одной на двоих сарделькой – и заведение под красноречивым названием Хмельная Цыпа, на гостеприимно распахнутой двери которого от руки чёрным маркером написано: "ПивМаг" "любой плохой день можно исправить бухлом и сексом", "мы не наливаем лицам не достигшим ничего, в особенности 18 лет."

Там, надо сказать, продается неплохой вишневый сидр. Пару раз она даже его пила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.